

VII 13
2 802-17
ЧТЕНИЕ
для 1967
СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНИЯ.

ПОДЪ-РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАИОРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

№ 13, 14, 15 и 16. — 24

Съ приложеніемъ четырнадцати рисунковъ.

Штурмъ аула Китури, при которомъ смертельно раненъ
генералъ Вревскій.
(20 августа 1858 г.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

берніи, на лѣтніе сборы квартировавшихъ тамъ 3-го баталіона 21 пѣхотнаго Муромскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича полка и 6-й сотни Донскаго казачьяго № 16-го полка, мѣстное населеніе г. Липно пожелало проводить выступающія войска хлѣбомъ-солью. Съ этою цѣлью за два дня до выступленія изъ Липно войскъ, представители мѣстнаго управления устроили для офицеровъ названныхъ частей обѣдъ, на который собралось до 40 человѣкъ.

Кромѣ того въ день выступленія войскъ, 27-го ап-рѣля, липновскіе горожане также пожелали проводить хлѣбомъ-солью и нижнихъ чиновъ выступавшихъ частей и устроили на городской площади угоженіе для солдатъ. По рускому обычаю, предварительно совершено было напутственное молебствие. Затѣмъ депутатіею горожанъ поднесено нижнимъ чинамъ по чаркѣ водки и пирогу и высказана признательность отъ лица городскихъ жителей за добрая отношенія къ хозяевамъ.

СОЛДАТСКІЯ СОЧИНЕНИЯ.

КИРГИЗЫ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ съ киргизами, я ознакомился съ ихъ нравами и обычаями и считаю не безполезнымъ подѣлиться съ товарищами своими наблюденіями надъ этимъ кочевымъ народомъ, тѣмъ болѣе,

что послѣ завоеваній русскихъ въ Средней Азіи, совершившихъ въ послѣднее время, и по присоединеніи многихъ земель разныхъ кочевниковъ азіатскихъ, каждый интересуется знать какъ живутъ и что дѣлаютъ въ Азіи киргизы.

Киргизы—это кочевое азіатское племя, они разсѣяны почти по всей Средней Азіи, начиная съ Сибири, до предѣловъ хивинскаго ханства и далѣе и отъ Урала за западныя границы китайскихъ владѣній. Киргизы изстари дѣлятся на три орды: большую, среднюю и малую *). Средняя орда, какъ по пространству, такъ и по народонаселенію имѣть преимущество предъ большою и малою ордами, такъ какъ въ большой ордѣ считается киргизъ 450,000, въ средней же 800,000, а въ малой 380,000. Раздѣленіе это произошло отъ Алача-хана, который, имѣя трехъ сыновей, раздѣлилъ имъ свои владѣнія. Старшій сынъ Уйсонъ получилъ въ удѣль отъ отца пространство земли, занимаемое нынѣшнею большою киргизскою ордою; отъ него произошло племя *Улугосъ*, т. е. нынѣшніе киргизы большой орды. Средній сынъ Алача-хана, Аргынъ, сдѣлался властителемъ средней орды; отъ него произошло племя *Артаисъ*,—это киргизы средней орды. Младшій сынъ, Алчанъ, получилъ малую орду; отъ него произошло племя *Окшиюсъ*,—киргизы малой орды.

Кромѣ того киргизы дѣлятся на множество родовъ или племенъ, и всякий киргизъ знаетъ своего родона-чальника.

*) Букѣевская или внутренняя орда, какъ переселенцы изъ помянутыхъ ордъ, не входятъ въ этотъ составъ.

Вообще всѣ киргизы магометане, и жизнь ведутъ кочевую.

Нынѣ киргизы уже не производятъ *барамты*, т. е. наѣздовъ съ цѣллю грабежа, разбоя или мести, и живутъ мирно. А было время, и оно еще не такъ далеко, когда киргизы были такъ смѣлы, что даже рѣшались производить вторженія въ предѣлы русскихъ владѣній, захватывали въ плѣнъ мирныхъ обитателей и продавали ихъ въ неволю. Они отправляли пойманныхъ въ Бухарію, Ташкентъ или Кокакъ, откуда рѣдко кому удавалось уйти на родину. Рѣшительныя мѣры, принятые противъ киргизъ, въ особенности же поселеніе въ Сибири постоянного войска—казаковъ, послѣдовательно искоренили беспокойный духъ киргизовъ и они присмирѣли. Съ тѣхъ порь киргизы, по возможности, старались избѣгать столкновеній съ русскими. Однажды случилось, что небольшой отрядъ казаковъ, изъ 18 человѣкъ, посланный съ какими-то вѣстями къ султану, (въ Джунгарской степи), вынужденъ былъ остановиться на почлегъ въ степи; когда стемѣло, на нихъ напали разбойники—киргизы, которые и успѣли было угнать часть казацкихъ лошадей, но казаки-молодцы послали вслѣдъ своимъ грабителямъ нѣсколько хорошихъ зарядовъ столь удачно, что ссадили до десяти человѣкъ киргизскихъ всадниковъ. Это навело такой страхъ на грабителей, что они на другой же день явились съ повинною и привели съ собою украденныхъ лошадей, извиняясь тѣмъ, что приняли казаковъ за проѣзжихъ купцовъ. Вообще молодечество и неустранимость казаковъ много способствовали къ устрашенію киргизовъ. Иногда одинокій казакъ удачно отбивался

отъ цѣлой партіи киргизъ. И теперь еще живъ одинъ казакъ, которому довелось защищаться одному отъ шайки киргизскихъ разбойниковъ. Казаку этому теперь около 85 лѣтъ, вотъ какъ разсказывается онъ свое столкновеніе съ киргизами.

«Съ двумя товарищами я былъ на охотѣ у Каркараллы, и отсталъ отъ нихъ, чтобы преслѣдовывать большого марала. Я нашелъ животное, поймалъ его, выпотрошилъ, привязалъ къ лошади и потихоньку поѣхалъ по узкому ущелью, ведущему къ степи. Не болѣе какъ въ 300 шагахъ отъ выхода изъ ущелья я увидѣлъ, что на поворотѣ расположилась толпа киргизскихъ разбойниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на землѣ, другіе стояли у лошадей. Какъ скоро мушкеники замѣтили меня, они вскочили на сѣдла и ухватились за оружіе. Я повертилъ свою клячу, и какъ можно скорѣе поскакалъ; а чтобы уменьшить грузъ, разрѣзалъ поспѣшно ремни, удерживавшіе марала. Я зналъ, что всетаки мнѣ верхомъ отъ этихъ разбойниковъ уйти нельзя, тѣмъ болѣе, что моя лошадь была уже утомлена, а преслѣдователи скакали на отличныхъ коняхъ. Каждую минуту они приближались все болѣе и кричали точно черти. Тутъ къ счастью я замѣтилъ по правую сторону отъ меня разсѣлину въ скалѣ, и поспѣшно повертилъ въ нее. Она была такъ тѣсна, что въ нее конному или пѣшему можно было войти не иначе, какъ гуськомъ. Разсѣлина, сверхъ того, была до того крута, что мнѣ пришлось спѣшиться и вести лошадь за поводъ. Нѣсколько далѣе, скалы составляли естественную крѣпость. Я направился къ разсѣлинѣ и благополучно добрался до нее. Въ моемъ укрѣпленіи я видѣлъ передъ собою разсѣлину на протяженіи

выстрѣла, и могъ положить перваго, кто осмѣлился бы войти въ нее, а для втораго успѣхъ бы еще зарядить ружье. Разбойники подошли ко входу въ трещину, и увидѣвъ меня наготовъ, остановились и принялись грозно кричать. Они отошли далѣе ружейнаго выстрѣла и, казалось, совѣщались, какъ бы добраться до меня съ тыла. Я сталъ внимательно смотрѣть на скалы, которые были у меня по сторонамъ. Прошло съ полчаса тихо, киргизы не шелохнулись; вдругъ съ боку ко мнѣ подкатился камень, и я увидѣлъ двухъ разбойниковъ, которые, какъ кошки, лѣзли по скалѣ и прятались за камнями; они хотѣли добраться къ мѣсту надъ мою крѣпостью. Я крикнулъ имъ: «Берегитесь! Вы думаете, что поймали меня, какъ куницу въ норѣ; смотрите, чтобы она вамъ не укусила пальцевъ!» Другіе разбойники внизу въ ущельѣ принялись кричать, чтобы отвлечь мое вниманіе отъ нападающихъ съ боку. Вотъ изъ-за одного камня показалась рука, а вскорѣ голова и глазъ одного изъ мошенниковъ, смотрѣвшаго на меня лишь мгновеніе; но для меня и того было достаточно. Я спустилъ курокъ и разбойникъ скатился въ ущелье. Онъ упалъ не далеко отъ товарищей, которые подняли и унесли его, а другой киргизъ уползъ осторожнѣе, чѣмъ подползъ. Если бы я увидѣлъ его на мгновеніе, то онъ непремѣнно бы послѣдовалъ за товарищемъ. Тогда киргизы принялись страшно кричать, но ничего не предприняли.

«Они убѣдились, что пули мои кусаюся больно. Мошенники поставили у входа въ разсѣлину сторожа, который не спускалъ съ меня глазъ. По всему видно было, что они хотѣли невыпустить меня и заморить голодомъ.

Я между тѣмъ набилъ себѣ трубку и курилъ, имѣя подъ рукою наготовъ винтовку и раздумывая, что мнѣ дѣлать, и рѣшилъ что всего лучше обождать ночи и, пользуясь темнотою, пойти выше и убѣжать. Я выкурилъ уже нѣсколько трубокъ, и принимался набивать новую, какъ замѣтилъ, что мошенники стали что-то живѣе шевелиться. Нѣкоторые прискакали изъ долины, за ними слѣдовали другіе, и вскорѣ послѣ того я услышалъ выстрѣлъ и догадался, что по близости находятся мои товарищи и нападаютъ на сволочь. Я тотчасъ рѣшился сдѣлать вылазку, чтобы помочь имъ, и послѣдилъ къ входу разсѣлины для нападенія на бѣгущихъ киргизовъ съ боку. Одинъ изъ нихъ только проскакалъ мимо меня; вотъ несется и другой. Баць! я выстрѣлилъ, и лошадь захромала и повалилась вмѣстѣ съ всадникомъ. Мои товарищи крикнули «ура!» и я тотчасъ подскакалъ къ нимъ. Они ранили одного изъ киргизовъ, которые послѣдно ускакали, потому что не знали, сколько настѣ находится по близости».

Такъ-то распоряжались казаки съ кочевниками-киргизами. Послѣ завоеванія Туркестанской области и похода въ Хиву, кочевники успокоились, и нынѣ не слышно ужъ болѣе, чтобы киргизы отважились нападать на русскихъ.

Киргизы живутъ аулами, всякий аулъ имѣеть своихъ старшинъ, къ которымъ киргизы обращаются, какъ къ посредникамъ въ разныхъ ссорахъ, а также и за совѣтами въ разныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Киргизы вообще любятъ какая бы то ни было дѣла рѣшать своимъ национальнымъ судомъ. У нихъ существуютъ

два суда: *шарагатъ*—это судъ по карану и *адетъ*—народный судъ (судъ по обычая).

Жилищемъ киргизу служить кошомная юрта; это походный его домъ; онъ живеть въ немъ и зиму и лѣто. Зимою юрты обстановливаютъ щитами изъ камыша или тальниковымъ плетнемъ, для того, чтобы сильные, степные вѣтры съ снѣжными мятелями (бураны) не проникали въ походныя, незатѣйливыя жилища степняковъ; впрочемъ, многие киргизы имѣютъ на зимнее время землянки, а богатые и дома; въ Акмолинской области я встрѣчалъ даже и небольшія селенія. Киргизы вообще весьма терпѣливо переносятъ и лѣтній зной и зимнюю стужу.

Одежда киргизъ не разнообразна, и хорошо приспособлена къ климатическимъ условіямъ обитаемой ими страны. Зимою киргизъ носить *тонъ*¹⁾, лѣтомъ *чапалъ*²⁾, а въ сильные жары ходить въ одномъ *жидэ*³⁾ *чембары*⁴⁾ и *тмакъ*⁵⁾. Вотъ и весь киргизскій нарядъ. Одежда женщинъ очень мало отличается отъ одежды мужчинъ, за исключеніемъ головного убора, который отличенъ отъ мужскаго.

Пищу киргизовъ составляетъ преимущественно мясо. Вотъ наиболѣе употребительныя киргизскія кушанья: вареная баранина, кавардакъ¹⁾, *куже*²⁾, *сурпа*³⁾, *куртъ*⁴⁾, *ремчикъ*⁵⁾; богатые также приготовляютъ пловъ изъ риса съ бараниною, въ каждый кла-

¹⁾ Бараний тулупъ. ²⁾ Халатъ. ³⁾ Жидэ, длинная, особаго покроя рубашка, какія носятъ вообще татары. ⁴⁾ Это широкія шаровары, выдѣлываемыя изъ козлиной или бараньей шкуры. ⁵⁾ Тмакъ головной уборъ (малахай).

¹⁾ Рубленое мясо, которое жарятъ въ маслѣ, и въ бараньемъ салѣ.

²⁾ Жидкая похлебка изъ муки, часто съ примѣсью прѣснаго молока.

дуть урыкъ, кишмишъ, каринку и приправляютъ разными пряностями. Коровье и козье молоко и аеранъ⁶⁾ и, наконецъ, кумысъ, составляютъ любимѣйшия питья для киргизъ. Кумысъ, приготовляемый изъ кобыльяго молока, весьма питательнъ, киргизы отъ него полнѣютъ, а больные, истощенные болѣзнями, дѣлаются отъ кумыса здоровыми или получаютъ облегченіе отъ болѣзней.

Киргизы очень гостепріимны, зайдите въ любую киргизскую юрту, а въ особенности, если хотя не много знаешь по киргизски, то ни одинъ киргизъ не отпустить васъ не угостивши.

Кромѣ киргизъ я живалъ среди татаръ, сартовъ¹⁾, калмыковъ²⁾, дунганъ и таранчей³⁾; былъ знакомъ со многими персіянами, армянами и даже китайцами, но ни у кого не встрѣчалъ такого радушнаго гостепріимства какъ у киргизъ. Зайдите вы къ бѣдному киргизу, попросите у него пищи или ночлега и все готово къ вашимъ услугамъ, что только можетъ предложить вамъ хозяинъ по своему состоянію. Взойдите и къ богатому киргизскому султану, и тотъ, не смотря на знатность своего рода и окружающія его роскошь

³⁾ Супъ — бульонъ. ⁴⁾ Сырчикъ, вкусомъ похожій на зеленый сыръ.

⁵⁾ Сыръ. ⁶⁾ Простокваша.

¹⁾ Сартами называются себя коренные жители Ташкента. ²⁾ Въ шестидесятыхъ годахъ, множество китайцовъ и калмыковъ, проживавшихъ по окраинамъ Китайской имперіи, вслѣдствіе возстанія на нихъ дунганъ и таранчей, перешли Китайскую границу и искали защиты и покровительства у русскаго правительства. Многія изъ нихъ приняли христіанскую вѣру, и навсегда остались въ предѣлахъ Россіи. ³⁾ Дунганъ и таранчей очень много проживаетъ въ Туркестанскомъ Генераль-Губернаторствѣ, въ особенности послѣ взятія русскими войсками Кульджи.

и богатство, не погнушается кого бы ни было принять, обласкать, угостить и даже снабдить необходимымъ въ дальнийшій путь. Таковъ ужъ у киргизъ обычай, который переходитъ у нихъ изъ рода въ родъ.

Киргизы ведутъ торговлю преимущественно мѣновую, какъ и большая часть азіатскихъ народовъ. Хлѣбопашествомъ они почти не занимаются; причиною этому неплодородность почвы населяемой киргизами земли, недостатокъ въ водѣ, неудобство кочевой жизни для занятія хлѣбопашествомъ. Ведя осѣдую жизнь, киргизъ не въ состояніи былъ бы на одномъ мѣстѣ прокормить свои многочисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей, составляющія главное богатство киргиза.

Киргизы не имѣютъ своей исторіи, какъ другіе народы; у нихъ вся исторія состоитъ изъ преданій весьма неотдаленнаго времени и притомъ очень часто сбивчивыхъ и даже разногласныхъ. Книгъ для чтенія у киргизовъ также нѣть, киргизы любятъ пѣть, но пѣсень у нихъ не имѣется и всякий киргизъ поетъ то, что ему придется на мысль, подбирая слова безъ всякой связи. Везеть ли васъ степною дорогою киргизъ-ямщикъ, онъ поетъ пѣсню; попадется ли вамъ на встречу киргизъ, онъ тоже поетъ; но спросите его, откуда онъ взялъ эту пѣсню, кто ему ее передалъ? Да просто никто, онъ поетъ пѣсню и вмѣстѣ съ тѣмъ складываетъ ее. Нѣкоторые изъ киргизовъ въ пѣсняхъ своихъ воспѣваютъ набѣги, восхваляютъ силу и славу своихъ предковъ, свѣжесть горныхъ водъ и красоту степей.

Самая любимѣйшая изъ народныхъ забавъ у кир-

гизъ это *байга*. Байгу преимущественно дѣлаеть высшее начальство. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ видѣть киргизскую байгу, напримѣръ, въ городѣ Омскѣ. Байга дѣлается по приказанію военнаго генералъ-губернатора Западной Сибири, въ Акмолахъ; я видѣлъ байгу, которую дѣлаетъ военный губернаторъ Акмолинской области, по пріѣздѣ своемъ въ Акмолы для инспектированія расположенныхъ тамъ войскъ, а въ Туркестанскомъ округѣ я видѣлъ байгу въ городѣ Карапалѣ, которую дѣлалъ военный губернаторъ Семирѣчской области. Главною забавою на байгѣ бываетъ конская скачка (бѣгъ), а также лазанье на высокій шестъ, на вершину которого кладется разная киргизская одежда, даже деньги. Для киргизскихъ женщинъ разставляются баки съ кислымъ молокомъ, на дно которыхъ кладутся мелкія серебряныя монеты, которыя киргизски, закинувъ назадъ руки, достаютъ языккомъ. Всѣ эти игры национальныя, киргизскія и ихъ бываетъ на байгѣ очень много, а кроме того дѣлаются угощеніе, состоящее изъ вареной баранины, молока и даже кумыса.

Байгу дѣлаются также и султаны киргизскіе для поѣхавшихъ своихъ подданныхъ, и даже устраиваютъ байгу сами киргизы въ извѣстные праздничные дни,—и не смотря на многочисленность собирающихся на байгу киргизъ, всегда почти праздникъ кончается благополучно, а это собственно отъ того, что киргизы не пьютъ ни вина, и никакихъ горячительныхъ напитковъ.

Киргизы племя очень смысленое, быстро понимаютъ то, что имъ объяснятъ и охотно усвоиваютъ обычай

руссихъ. Нѣть сомнѣнія, что это кочевое племя, просвѣщенное вѣрою христіанскою, оставилъ свои дурныя привычки, склонность къ грабежу и захвату чужаго имущества и впослѣдствіи сдѣлается мирнымъ и трудолюбивымъ племенемъ.

Николай Кулевскій.

(Старшій писарь 148-го пѣхотнаго Каспійскаго полка).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

Отд. I. Слово, сказанное архимандритомъ Евгениемъ надъ могилами Севастопольцевъ. (Въ день памяти о славной оборонѣ Севастополя).	1
Просвѣтители славянъ , Святые равноапостольные Кириллъ и Меѳодій. (<i>Окончаніе</i>). Преславованіе латынцами и нѣмцами Моравскихъ славянъ.—Мученія учениковъ Св. Меѳодія и изгнаніе ихъ изъ Моравії.—Усиленіе латынства, уничтоженіе Православныхъ храмовъ и сожженіе славянскихъ книгъ.—Благіе плоды дѣятельности Св. Кирилла и Меѳодія. (Съ 1 рис.)	3
Н. Половцовъ	10
Отд. II. Петръ-преобразователь. (Историческій очеркъ). (Съ 1-мъ рис.). <i>M. Терминовъ</i>	
Экспедиція въ общества Анцуухъ и Анкратль и походъ въ Дидо, въ земль Лезгинъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Вревскаго. (Съ 22 іюня по 28 августа 1855 года). Сборы къ походу.—Движеніе войскъ къ Анцууху.—Штурмъ высотъ Гарухъ-Меэръ.—Взятіе Анцууха и раззореніе 23 аоловъ.—Движеніе войскъ къ Анкратлю.—Взятіе укрѣплений Чумахло.—Раззореніе аоловъ обществъ Анцроссо, Ухнады и Богнады.—Изъявленіе жителями разныхъ обществъ покорности Русскому правительству.—Штурмъ аула Китури, при которомъ смертельно раненъ генералъ Вревскій.—Походъ въ Дидо и раззореніе аоловъ Дидойскаго общества.—Благіе послѣдствія экспедиціи, предпринятой генераломъ Вревскимъ. (Съ 1-мъ рис.).	19

802-17
1963

ЧТЕНИЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЬ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОЗВОДЕНИЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРА

А. ГЕЙРОТЪ.

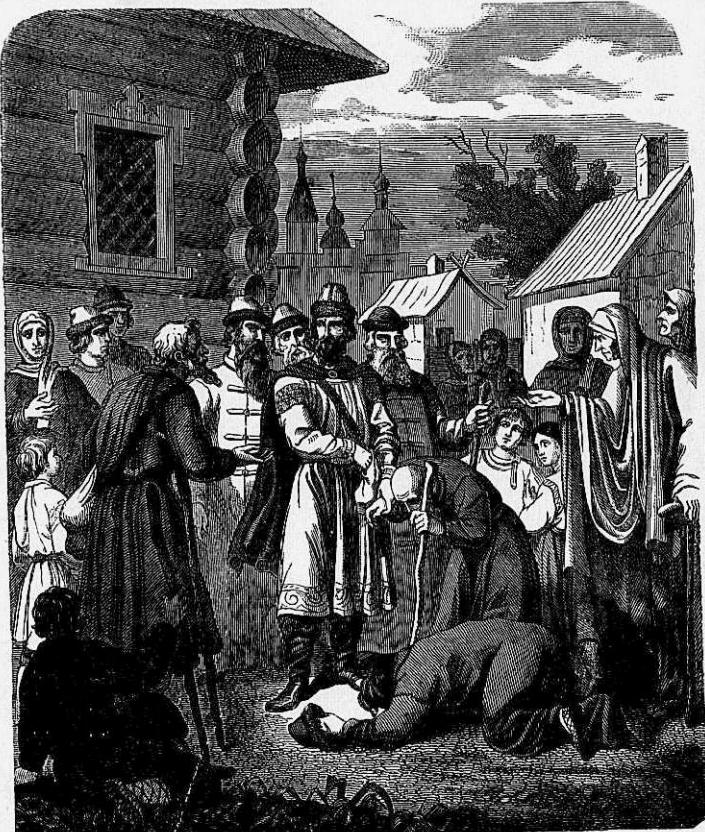
ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

№ № 5, 6, 7 и 8.

Съ приложением пяти рисунковъ.

ВЕЛИКІЙ КНІЗЬ ИВАНЪ КАЛИТА РАЗДАЕТЪ МИЛОСТЬНЮ НАРОДУ.

(къ стр. 88.)

САНКТПЕТЕРВУРГЪ.

1867.

СОЛДАТСКИЙ СОБЕСѢДНИКЪ.

Набѣги хищныхъ Киргизовъ въ Туркестанской области⁽¹⁾.—Разсказъ управляющаго золотопрісковою партіею о пленѣ у Коканцевъ⁽²⁾.—Памятникъ князю Воронцову въ Тифлісѣ⁽³⁾.—Восьмидесятисемилѣтній воинъ Яковъ Григорьевъ⁽⁴⁾.—Пожертвованіе Донскихъ казаковъ въ память въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича⁽⁵⁾.—Обращеніе Уральскихъ казаковъ: Жирнова, Пономарева и Кошечкина изъ старообрядства въ православіе⁽⁶⁾.—Пріютъ для солдатскихъ дѣтей въ Варшавѣ⁽⁷⁾.—Человѣколюбивые подвиги⁽⁸⁾.

⁽¹⁾ Много разъ уже говорили мы въ нашемъ Собесѣднику о борьбѣ русскихъ войскъ съ Коканцами и Бухарцами въ отдаленномъ Туркестанскомъ краѣ. Теперь съ Бухарцами временно заключенъ миръ, и правитель (эміръ) Бухарскій обязался не тревожить русскихъ владѣній въ Туркестанѣ. Но Русскіе знаютъ по опыту, что невозможно вѣрить вполнѣ обѣщаніямъ Бухарцевъ. Война съ азіатскими народами не то, что война съ образованными, европейскими государствами; если Бухарцы и заключили въ настоящее время съ Русскими миръ, то нѣтъ сомнѣнія, что они нарушать его при первомъ, удобномъ случаѣ. Кромѣ того, во владѣніяхъ Бухарскаго эмира и Коканскаго хана обитаетъ много кочевыхъ народовъ, надъ которыми ханы и эмиры не имѣютъ почти никакой власти. Эти кочевники—Киргизы безпрерывно нападаютъ на купеческие караваны, партіи золотопромышленниковъ и горнорабочихъ, и даже на небольшіе военные отряды. Для нихъ грабежъ и баранта—дѣло привычное!

⁽²⁾ Приведемъ разсказъ управляющаго золотопрісковою партіею, г. Лебедева, который былъ захваченъ въ пленъ

кочевыми Киргизами и нѣсколько недѣль пробылъ пленникомъ въ Коканѣ, главномъ городѣ Коканскаго ханства.

Г. Лебедевъ, отыскивая золотоносные розсыпи, случайно зашелъ съ партіею рабочихъ въ верхнюю долину реки Чаткала, иначе называемой Чирчикомъ. Ось нацѣлся встрѣтить тамъ другой отрядъ, посланный для отысканія лѣса, нужнаго на казеннныя постройки. Это было 15 июля прошлаго, 1866 года; въ то время, когда Лебедевъ съ свою партіею рабочихъ прибылъ въ долину реки Чаткала, русскій отрядъ уже выступилъ оттуда далѣе. Не зная наѣрное, по какому направлению двинулся отрядъ, г. Лебедевъ отправилъ находившагося при партіи Ташкентца и русскаго рабочаго разведѣть о томъ подробнѣе, а самъ, съ остальными десятью рабочими, расположился бивуакомъ подъ крутымъ яромъ, на берегу рѣчки.

Не долго пришлось отдохнуть г. Лебедеву съ его рабочими! Часа черезъ два нагрянула на нихъ неожиданно отрядъ коканскихъ Киргизовъ, человѣкъ до 300, подъ предводительствомъ киргизскаго бїл или старшины. Очевидно было, что этотъ отрядъ посланъ самимъ ханомъ, потому что при отрядѣ находилась даже пушка и знамя. Нѣсколько Киргизовъ погнались было за лошадьми, которыхъ паслись на полянѣ, близъ ущелья, по тутъ они неожиданно встрѣтились съ Ташкентцемъ и русскимъ рабочимъ, посланными для отысканія отряда. Ташкентецъ выстрѣломъ изъ пистолета сшибъ съ лошади одного Киргиза, а остальные тридцать Киргизовъ, испуганные этимъ выстрѣломъ, поспѣшили скрыться въ первое, попавшееся ущелье.

Такъ двое рабочихъ отразили нападеніе *тридцати* Киргизовъ. Однако медлить было нечего! Рабочие захвати-

ли лошадь, оставшуюся послѣ раненаго Киргиза, и послѣ-
шно поднялись на гору. Оттуда они увидѣли, что вся пар-
тія г. Лебедева окружена шайкою Киргизовъ; пламя и
дымъ отъ зажженой травы густымъ столбомъ поднималось
въ воздухъ. Партии Лебедева не было уже никакой воз-
можности избавиться отъ плѣна или истребленія. Двое
рабочихъ съ горестю смотрѣли съ горы на своихъ несча-
стныхъ товарищѣй, которымъ они ничѣмъ не могли по-
мочь, и сами должны были ежеминутно опасаться новой
встрѣчи съ хищниками.

Дѣйствительно: Киргизы, оправившись отъ испуга, пов-
сюду начали розыскивать двухъ храбрецовъ, и нѣсколь-
ко разъ проѣзжали мимо того мѣста, где они скрывались.
Къ счастію, опасность миновалаась благополучно, и двое
рабочихъ успѣли наконецъ присоединиться къ отряду, ко-
торый они отыскивали, и уведомили о несчастномъ полож-
еніи партии г. Лебедева, окруженнай шайкою Киргизовъ...
Въ это время г. Лебедевъ и его рабочіе уже находились
въ плѣну у Киргизовъ!

Киргизы застали партію Лебедева совершенно въ рас-
плохъ; нѣсколько Киргизовъ погнались за лошадями, дру-
гіе начали зажигать траву, а остальные съ кругаго бере-
га поражали рабочихъ выстрелами. Вскорѣ Лебедевъ былъ
раненъ пулею въ ногу. Рабочіе—большею частію Ташкет-
цы—убѣждали его сдаться, что онъ и сдѣлалъ, видя свое
безвыходное положеніе. Въ нѣсколько минутъ хищники
ограбили партію, раздѣли плѣнниковъ до нага, перевязали
имъ назадъ руки ремнями и арканами, потомъ связали
по-парно за шею, и повели съ собою. Переправясь въ
бродъ черезъ рѣчку, Киргизы привязали плѣнниковъ къ
сѣдламъ такъ крѣпко, что они едва выносили мучитель-

ную боль. Черезъ нѣсколько времени однако же Киргизы от-
взяли ихъ отъ сѣдель, и погнали въ гору босыхъ, по
колючимъ растеніямъ и острымъ камнямъ. Кровь струи-
лась изъ ногъ несчастныхъ, солнце жило ихъ обнажен-
ное тѣло... Иные падали въ изнеможеніи отъ нестерпимой боли и жару, и несмотря на страданія несчастныхъ,
Киргизы погоняли ихъ цапками и нагайками. На всѣ просьбы объ отдыхѣ и объ утоленіи жажды, Киргизы отвѣ-
чали насыщками, бранью и побоями. Больше всего дос-
тавалось Ташкентцамъ, на которыхъ Киргизы злобились
за ихъ дружбу съ Русскими; Лебедеву же они дали ру-
башку, и какую-то диряеву, жесткую обувь.

На первомъ привалѣ Киргизы начали дѣлить ограблен-
ное и допрашивали плѣнныхъ: кто они, и зачѣмъ зашли
въ горы? Нѣкоторымъ Киргизамъ досталась при дѣлежѣ желѣзная, луженая кухонная посуда, которую болѣе смет-
ливые Киргизы выдали своимъ товарищамъ за серебряную,
утверждая, что самъ Лебедевъ признаетъ ее таковою. Когда же Лебедевъ не подтвердилъ этого, то Киргизы
подняли такой шумъ и брань, что дѣло чуть не дошло
до драки. Однако же черезъ нѣсколько времени хищники
помирились, и снова начались распросы и дѣлежъ на-
грабленного имущества. Киргизы нѣсколько разъ застав-
ляли Лебедева читать книги, захваченные въ числѣ иму-
щества партіи, и курить сигары, желая знать, какъ Рус-
скіе читаютъ и курятъ. Иные одѣвались въ платье Лебе-
дева, и расхаживали передъ нимъ, насыщались надъ нес-
частными плѣнниками.

Наконецъ, окончивъ дѣлежъ добычи, и насытившись
вдоволь надъ плѣнными, Киргизы начали совѣщаться меж-
ду собою, что имъ дѣлать съ плѣнниками. Иные совѣто-

вали всѣхъ ихъ истребить, а головы, по обычаю, отправить къ коканскому хану, какъ доказательство одержанной победы. Другие утверждали, что плѣнниковъ должно отправить живыми въ Коканъ, и что ханъ выдастъ въ награду—за Лебедева 70, а за рабочихъ по 40 золотыхъ монетъ (тилле). Совѣтомъ рѣшились на послѣднее, и послали плѣнниковъ въ Коканъ. Въ продолженіи пути Киргизы убѣждали Лебедева и его рабочихъ сказать хану, что Русскихъ было не 10 человѣкъ, а 200, и что остальные спаслись бѣгствомъ, изъ страха предъ силою и воинственностью Киргизовъ. Киргизы хотѣли увѣрить хана, что они разбили тотъ русскій отрядъ, который былъ посланъ для рубки лѣса.

Наконецъ Киргизы прибыли съ своими плѣнниками въ ауль; множество народа окружило несчастныхъ, изнемогающихъ отъ голода и усталости; ихъ съ любопытствомъ осматривали, заставляли ходить, садиться, читать книги, курить сигары. Не разъ случалось, что къ плѣнникамъ подходилъ какой нибудь *мулла* (духовное лицо), и размахивая плетью, уговаривалъ принять мусульманскую вѣру. Видя, что угрозы и побои не страшатъ плѣнниковъ, Киргизы старались ласками и увѣщаніями убѣдить ихъ къ принятію магометанства. Они говорили, что за это имъ будутъ даны хорошия халаты, много пшава, (*) не сколько женъ, и ханъ приметъ ихъ въ свою службу сарбазами (солдатами). Разумѣется, плѣнники не поддавались и на эти убѣжденія. Въ каждомъ аулѣ и селеніи повторялись эти угрозы и увѣщанія; иногда, для потѣхи народа, плѣнниковъ сажали на кровлю сакли, и толпа

(*) *Пшавъ*, т. е. пареный рисъ, смѣшанный съ мелко изрубленной бараниною—любимое кушанье азіатскихъ народовъ.

тѣснилась кругомъ ихъ, разсмотривая, съ любопытствомъ какъ будто какихъ либуть невиданныхъ звѣрей. Трудно и пересказать все, что вынесли несчастные плѣнники въ это тяжелое время!

Когда плѣнниковъ привели въ Коканъ, шествіе сдѣлалось торжественнымъ. Сначала повели лошадь Лебедева, за нею шелъ самъ Лебедевъ, а за нимъ вели по-парно рабочихъ, связанныхъ за шею. Улицы и кровли домовъ были усыпаны народомъ; почетные лица города, въ своихъ богатыхъ чалмахъ, тѣснились на раду съ простыми Сартами и Киргизами. Даже женщины, вопреки строгимъ установамъ своей вѣры, стояли съ открытыми лицами на кровляхъ своихъ домовъ. Везде раздавались крики: «бара кильде!»—войинский крикъ, на подобіе русского «ура».

Но даже и между мусульманскимъ, враждебнымъ для Русскихъ, населеніемъ Кокана, нашлись добрые, сострадательные люди, которые съ сожалѣніемъ глядѣли на несчастныхъ плѣнниковъ; они подавали имъ милостыню мѣдными чеками (монетами), не смотря на то, что за этотъ поступокъ они могли подвергнуться преслѣдованію отъ своихъ соотличей—мусульманъ. Впослѣдствіи, освободясь изъ плѣна, несчастные плѣнники со слезами благодарности вспоминали объ этой милостынѣ и участії. Ихъ утѣшала мысль, что не всѣ жители Кокана враждебно глядѣли на нихъ, что есть и между коканскими мусульманами добрые и честные люди!

Наконецъ плѣнниковъ привели ко дворцу хана, и чрезъ нѣсколько времени ввели въ пріемную горницу; но самъ ханъ не вышелъ къ нимъ, а поручилъ своему коменданту осмотрѣть ихъ и разспросить: кто они и откуда? Послѣ того плѣнныхъ отвели во дворъ, и развязали имъ

руки. Толпа любопытныхъ теснилась и во дворѣ хана, но ихъ скоро разогнали нагайками. Несчастные плѣнники со страхомъ ожидали решенія своей участи: еще не было примѣра, чтобы когда либо плѣнныхъ, захваченныхъ Коканцами, оставались въ живыхъ или возвращались на родину. Однако же вскорѣ комендантъ, возвратясь изъ дворца, успокоилъ ихъ ласковымъ привѣтомъ, и приказалъ подать пилаву, дыни и чаю. Несчастные плѣнники, которые уже нѣсколько дней ничего неѣли, могли теперь хотя нѣсколько утолить томившій ихъ голодъ. Но ихъ участь все еще оставалась нерѣшенной.

Подъ вечеръ плѣнниковъ привели на другой дворъ и посадили рядомъ на кошму. Несчастные со страхомъ ожидали смертного приговора. Какова же была ихъ радость, когда комендантъ, выйдя къ нимъ, объявилъ, что ханъ, находясь въ дружескихъ сношеніяхъ съ генераломъ Романовскимъ,—(военнымъ губернаторомъ Туркестанской области), приказалъ нанять двѣ арбы (телеги), для доставки плѣнниковъ до первого русского пикета. Освобожденнымъ плѣнникамъ выдали по халату, и по 13 кокановъ, т. е. на наши деньги—по 2 р. 60 к. каждому. Это была такая милость, какой въ Коканѣ никто и не ожидалъ! Очевидно, что коканский ханъ боялся задержать русскихъ плѣнныхъ или причинить имъ какоенибудь насилие; онъ былъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ Русские отомстили бы за смерть или плѣнъ своихъ единоплеменниковъ.

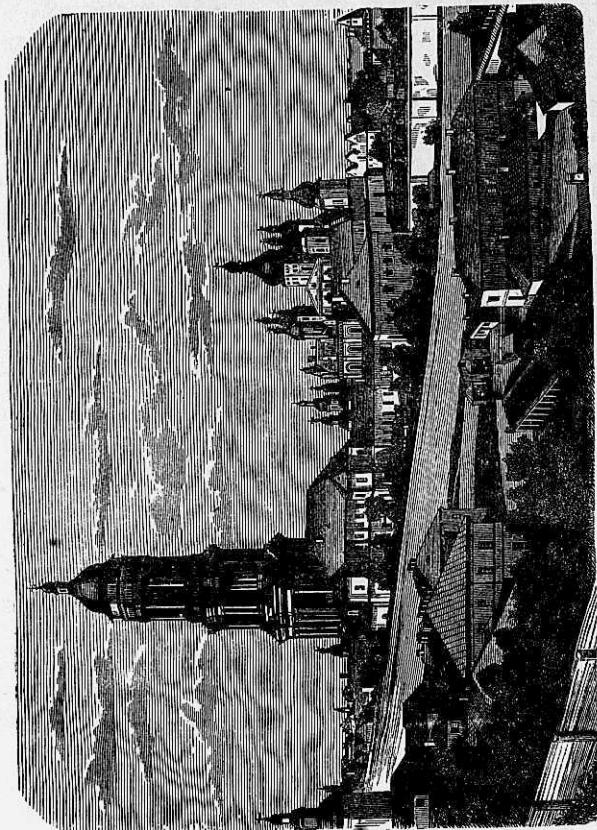
25-го июля плѣнники благополучно прибыли въ Ташкентъ, и были радостно встрѣчены своими товарищами, не ожидавшими увидѣть ихъ въ живыхъ.

Прощаясь съ Лебедевымъ, ханъ пожалъ ему руку, и просилъ прислать списокъ всего ограбленного имущества,

обѣщаась разыскать грабителей и отнять у нихъ незаконную добычу. Однако же это обѣщаніе такъ и осталось неисполненнымъ!

Туркестанская область — край благодатный! Здѣсь можетъ быть добываемо золото и серебро, мѣдь, желѣзо, каменный уголь, много шелку и хлопчатой бумаги. Но промышленность въ Туркестанскомъ краѣ можетъ развиться только съ присоединеніемъ къ русскимъ владѣніямъ Кокана, Наменгана и другихъ, остальныхъ городовъ Коканского ханства, гдѣ хищники и грабители всегда находятъ безопасній пріютъ. Сами мѣстные жители, Сарты—земледѣльцы рады возвращенію Русскихъ въ Туркестанскомъ краѣ. Они говорятъ: «Русские лучше Коканцевъ; хоть они насъ и завоевали, однако же ничего не берутъ у насъ даромъ, и не обижаютъ никого; когда же мы были подъ властью хановъ, такъ, ложась спать, не знали: уцѣлѣютъ ли завтра наши головы, будеть ли цѣло наше имущество!» Оттого-то Сарты и встречаются повсюду Русскихъ дружески и съ радушіемъ. Одинъ 70-лѣтній стариkъ Сартъ, узнавъ, что осенью многія служащія лица возвращаются изъ Туркестанской области въ Петербургъ, нарочно прѣѣхалъ въ Ташкентъ, и просилъ взять его съ собою, чтобы посмотреть ему на Бѣлаго Царя, милостиваго Освободителя.

3) Пройдетъ лѣтъ десять или пятнадцать, и обширный Туркестанскій край сдѣлается такою же мирною и богатою областью Россіи, какъ и Закавказскій край, столь долгое время страдавшій отъ опустошительныхъ набѣговъ Горцевъ, Турокъ и Персіянъ. Только русское правительство могло своими неусыпными трудами и заботами распространить благоденствіе въ разоренномъ и угнетенномъ краѣ. Оттого-то въ Грузіи и вспоминаютъ съ любовью и уважені-

КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАРГА.

ЧТЕНИЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЬ.

ЖУРНАЛъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНИЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ЧИСЛЕНІЕ ПЯТАЯ.

№ № 17, 18, 19 и 20.

Съ приложением пяти рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАВАЕМОЕ ВЪ КОМПАНИЮ

1867.

надъ окраиною солнца только въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, потому что луна, заслонивъ собою солнце, вскорѣ заслоняетъ также и солнечныя облака.

При полномъ солнечномъ затмѣніи, на землѣ наступаетъ совершенная темнота; продолжается она весьма недолго, не болѣе двухъ минутъ, но и въ это короткое время всѣ, даже и приготовившіеся къ ученымъ наблюденіямъ, бываютъ поражены какимъ-то невольнымъ страхомъ и благоговѣніемъ. Величие этого явленія природы невольно обращаетъ мысль каждого къ Богу, такъ дивно устроившему все во вселенной. Когда же послѣ темноты, продолжавшейся нѣсколько минутъ, земля вновь озаряется лучами солнца, всѣ чувствуютъ радость, и постепенно успокаиваются послѣ тяжелаго, гнетущаго ощущенія. И въ природѣ все словно бы оживаетъ въ это время. Птички, замолкнувшіе при началѣ затмѣнія, снова начинаютъ радостно летать и щебетать. Наступившая внезално прохлада смѣняется по прежнему живительной теплотою солнечнаго сиянія. Все принимаетъ постепенно прежній видъ, предается прежней дѣятельности, какъ было и до начала затмѣнія, и только въ душѣ наблюдателя остается благоговѣніе и теплая молитва къ Творцу, Создателю вселенной.

Ю. Марковъ.

Содержаніе № 14—го.

Стр.	
Отд. II. Донскіе казаки.	27.
Изъ боевой кавказской жизни.	35.
Отд. III. Очерки южного края России. Ю. Марковъ	40.
Волжские инородцы Башкиры. А. На-овъ.	51.
Полезныя и вредныя насѣкомыя.	60.
Солнечные затмѣнія. Ю. Марковъ.	65.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

НЕЖДАННЫЙ НАБѢГЪ.

Между Красноярскимъ и Харкинскимъ форпостами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на правомъ берегу Урала, отдыхали рыболовы-севрюжники. Это были рыболовы *отсталые*; главная же толпа Уральцевъ, выѣхавшихъ на рыболовство, или, такъ называемое, *войско*, рыбачила далеко внизъ по теченію Урала, верстахъ въ 50 отъ отсталыхъ.

День былъ праздничный, а потому рыболовы отдыхали на свободѣ. Они расположились артелями на берегу, а телѣги ихъ стояли поодаль отъ нихъ, на косогорѣ. Лошади казаччи паслись по «гривамъ», т. е. возвышеннымъ мѣстамъ, не затопленнымъ водою, которая еще оставалась кое гдѣ по лугамъ и низминамъ, послѣ весеннаго водополья. Казаки оставили своихъ лошадей безъ всякаго присмотра, понадѣясь на пикеты, разставленные за Ураломъ, для предупрежденія нечаянныхъ набѣговъ Киргизовъ.

Во многихъ мѣстахъ по берегу были разложены костры, на которыхъ казаки готовили себѣ обѣдъ. Кто вариль уху изъ налиновъ, кто стряпалъ пельмени съ осетриной или жарилъ въ горячей золѣ небольшихъ севрюгъ и осетровъ. Всѣ остальные казаки, не занятые дѣломъ, лежали на травѣ, пригрѣтые вешинымъ, майскимъ солнышкомъ...

Вдругъ изъ обоза раздался испуганный голосъ. Одинъ изъ казаковъ, стоя на возу, и махая руками, кричалъ:

— «Братцы!... Бѣда!... Киргизы! Лошадей нашихъ Киргизы гонятъ!»

Кинулись казаки къ обозу, схватили оружіе, какое попалось подъ руку, и бросились на грабителей. Хорошо еще, что казачьи лошади паслись не всѣ вмѣстѣ, а бродили врознь, по «гривамъ», раздѣленнымъ одна отъ другой водою. Оттого Киргизы не могли разомъ нагрянуть и угнать весь табунъ, а казаки тѣмъ временемъ успѣли приготовиться къ встрѣчѣ незванныхъ гостей. Нѣсколько человѣкъ съ винтовками засѣли въ кустахъ, на берегу, а остальные, вооруженные топорами и чекушами (*), начали съ гикомъ преслѣдоватъ Киргизовъ и гнать ихъ къ Уралу, на разставленную засаду.

Поняли Киргизы, что дѣло плохо, и бросились на утекъ. Но тутъ-то имъ и пришлось поплатиться за свой дерзкий набѣгъ. Казаки встрѣтили ихъ изъ кустовъ мѣткими выстрелами. Испуганные Киргизы торопились переплыть Ураль, держась, по обыкновенію, за гриву или за хвостъ лошади, но и тутъ бѣда! Противоположный берегъ Урала, гдѣ имъ пришлось приставать, оказался слишкомъ крутымъ, а подъ самыми яромъ было тонко, такъ что киргизскія лошади, утопая въ иль, долго не могли выбраться на берегъ. А между тѣмъ казаки на байдаркахъ неотступно преслѣдовали хищниковъ; «индо Яикушко (Ураль) застоналъ, какъ нагрянули наши на басурмановъ», такъ рассказывали впослѣдствіи старики въ станицахъ.

Отчего же случилась такая оплошность, что Киргизы пробрались незамѣтно между разставленными казачьими пикетами? Въ томъ-то и дѣло, что въ тотъ день не было

(*) Большой молотокъ, которымъ глушили севрюгъ.

пикетовъ за Ураломъ. Пикетнымъ казакамъ слѣдовало бы пробыть на постахъ еще два дня, пока войско, т. е. рыболовы-казаки ушли бы внизъ по Уралу, за Кулагинскую крѣость; но красноярскіе казаки понадѣялись, что Ураль не сегодня, такъ завтра разольется словно море, и тогда не только верховому Киргизу не переплыть чрезъ него, но и птицѣ не перелѣтѣть. По этому-то казаки и сѣѣхали съ постовъ раньше урочнаго времени, безъ позволенія приказнаго Ефремова, распоряжавшагося всѣмъ форпостомъ. По примѣру Красноярцевъ, тоже сѣѣвали и Харкинскіе казаки, занимавшіе пикеты ниже Красноярскихъ, противъ своего форпоста. Такъ на цѣлыхъ двухъ промежуткахъ, отъ Красноярска до Харкинска, не осталось ни одного поста, чѣмъ и воспользовались Киргизы, задумавшіе угнать въ степь казачьихъ лошадей.

Набѣгъ Киргизовъ былъ отбитъ; казаки собрали своихъ разбѣжавшихъ лошадей и стали собираться въ путь-дорогу, чтобы присоединиться къ войску, т. е. къ своимъ остальнымъ товарищамъ, а между тѣмъ послали двухъ гонцовъ въ Красноярскій форпостъ, сказать, что «дескать на Уралѣ неблагополучно: Киргизы показались.»

Разсердился приказный Кузьма Семеничъ Ефремовъ, какъ услышалъ онъ про оплошность казаковъ. Тотчасъ же велѣлъ онъ сѣѣдать лошадей, вооружаться и готовиться къ погонѣ за Киргизами. Хотя Киргизы и безъ того уже были довольно наказаны за свой набѣгъ, но Ефремовъ боялся, что въ войсѣ назовутъ его «сонгой» (соней), скажутъ, что Киргизы въ его участкѣ врываются на самарскую сторону, а команда вовсе не слушаетъ его.

— «Мало для насть одного срама, что Киргизовъ проѣзвали,» говорилъ онъ, «видно еще надо вамъ, чтобы насть трусами обзывали; сказали, что мы Киргизовъ боимся.» Ефремовъ торопилъ казаковъ, и вскорѣ подъ его на-

чальствомъ собралось до 30 казаковъ, почти весь комплектъ служащихъ казаковъ форпоста. Съ ними Ефремовъ переправился черезъ Ураль, оставивъ при караульномъ домѣ, на часахъ, человѣкъ пять или шесть. Ефремовъ не забылъ также послать гонцевъ въ сосѣднія станицы: въ Калмыковскую крѣпость и Харкинскій форпостъ, извѣстить тамошнихъ казаковъ, чтобы они выѣзжали за Ураль, на помощь Ефремову и его командѣ.

Выбравшись изъ луговъ въ степь, Ефремовъ сѣдалъ смотрѣть своей командѣ. Оказалось, что всѣ казаки были въ исправности, на хорошихъ скаковыхъ лошадяхъ, только одинъ Нефедь Жадинъ оказался неисправнымъ: лошадь подъ нимъ была нехороша, тяжела на бѣгу,—просто на просто маштакъ, который годенъ только для ломовой работы, а не для погони за Киргизами. Нефеда забрали и вѣльши ему вернуться домой. Началь было Нефедь спорить и доказывать, что не отстанетъ отъ другихъ, но его не послушали.

— «Молись, ребята,» сказалъ Ефремовъ, и снявъ шапку, перекрестился. Команда сѣдала тоже самое.

— «Ну, теперь съ Богомъ!» И казаки, припавъ къ лукѣ, съ пикиами на перевѣсь, понеслись за Киргизами.

Казаки скакали молча; все было тихо кругомъ въ степи, только конскій топотъ глухо отдавался, да по временамъ Кузьма Семенычъ командовалъ: «сдержи», когда находилъ нужнымъ придержать лошадей, чтобы дать имъ перевести духъ, или: «припусти», когда находилъ возможнымъ усилить бѣгъ.

Вотъ вдали, въ степи, показалось словно бы небольшое облачко пыли: это Киргизы, завидя погоню казаковъ, старались скрыться отъ преслѣдованія на своихъ стенныхъ аргамакахъ. По командѣ Ефремова, казаки развернулись въ одну линію (лаву), припали на луку и пустили ло-

шадей своихъ во весь карьеръ. Тѣ казаки, у которыхъ лошади были рѣзвѣ, стали ужъ настигать Киргизовъ, и—какъ говорятъ казаки—неслись на хвостахъ киргизскихъ лошадей.

Впереди всѣхъ скакали два казака, оба молодые ребята, въ первый разъ еще попавшіе въ ратное дѣло. Не разъ настигали они непріятеля,—вотъ, того и гляди, ударять пикиами... Но Киргизовъ ловко защищали два наѣздника, храбрые батыри, на легкихъ туркменскихъ аргамакахъ. Отдѣляясь отъ своихъ товарищѣй, одинъ вправо, а другой влево, эти наѣздники по временамъ оборачивались и быстро, съ пронзительнымъ гикомъ наскакивали на казаковъ. Казаки придержать лошадей, укрѣпятся на стременахъ, обернутся лицемъ къ нападающимъ, чтобы ловчѣе отбить ихъ пики, но киргизскіе смѣльчаки, подскакавъ къ казакамъ на близкое разстояніе, круто и мгновенно поворачиваютъ лошадей и мчатся вслѣдъ за своими товарищами.

Кузьма Семенычъ не спускалъ глазъ съ батырей и по временамъ ободрялъ молодыхъ казаковъ. «Вправо забирайте, ребятушки,» кричалъ онъ имъ, видя, что казачата, какъ новички въ ратномъ дѣлѣ, поступали не такъ, какъ бы слѣдовало, и тѣмъ подвергали себя опасности быть приколотыми. Казаки, нападая на непріятеля, всегда стараются держаться правой стороны, потому что справа вѣво ловчѣе бить пики. Для того же, чтобы ударить пики сльва вправо, должно изогнуться на лошади, а оттого ударъ всегда почти бываетъ неловокъ и невѣренъ.

Пока батыри сдерживали казачать, Киргизы употребляли всѣ возможныя уловки, чтобы ускакать отъ казаковъ. Многіе изъ нихъ, для облегченія лошадей, сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выбрасывали сѣдельныя подушки, паметы, а иные, отстегнувъ на всѣмъ скаку подруги,

сбрасывали и самыя сѣда. Но ни что не помогало, и съ каждой минутой казаки приближались къ Киргизамъ. Кузьма Семенычъ сталъ съ радостью замѣтать, что кони подъ киргизскими батырями, отъ безпрестанныхъ и быстрыхъ кружений, видимо утомились, а его доморощенныи бурый конь, чѣмъ больше скакалъ, тѣмъ больше прибавлялъ бѣгу. Вскорѣ Кузьма Семенычъ сравнялся съ казачатами, а немнога погодя, онъ опередилъ ихъ, и сталъ выбирать: на котораго батыря удобнѣе напасть ему. Рядомъ съ Ефремовымъ, стремя въ стремя, скакалъ другой казакъ, Семенъ Азовсковъ, у котораго вороной конь также сталъ разминаться и скакать быстрѣе и быстрѣе.

— «Теперь напѣ чередь,» сказалъ Ефремовъ Азовскову; «ты бери себѣ праваго батыря, а я возьму лѣваго.»

Семенъ Азовсковъ, рослый и сильный казакъ, вмѣсто отвѣта кивнулъ головою, припалъ почти къ самой гривѣ коня и кинулся на батыря. Но храбрый Киргизъ, видя, что ему не уйти отъ преслѣдованія, рѣшился на отчаянныи, богатырскій подвигъ: онъ круто повернувшись коня назадъ и съ гикомъ устремился на Азовскова. Пики скрестились, и въ то же мгновеніе Азовсковъ, смертельно раненый въ голову, упалъ съ коня на землю. Но не спасся и батырь отъ мести казаковъ, раздраженныхъ смертью товарища: они наскакали на Киргиза и прикололи его пиками. Въ это время и Ефремовъ успѣлъ пикою ссадить съ коня батыря, котораго онъ упорно преслѣдоваль.

Пріостановились казаки, перевязали Азовскову рану платкомъ, поймали его лошадь и снова помчались за Киргизами, которые тѣмъ временемъ успѣли уже ускакать далеко. Пора была казакамъ остановиться: они и то уже, вопреки войсковымъ постановленіямъ, зашли слишкомъ далеко въ степь. Но казаки хотѣли отмстить за смерть то-

варища, да кромѣ того надѣялись, что котораянибудь изъ командъ, харканская или калмыковская, прибудетъ къ нимъ на помощь. Между тѣмъ Киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія, человѣкъ изъ 20, направилась вправо, а другая, въ 30 человѣкъ, обскакавъ невысокій курганъ, круто повернула на лѣво. Киргизы хотѣли разъединить силы казаковъ, но казаки не поддались обману: они всей командой пустились за одной изъ партій.

Снова преслѣдуютъ казаки Киргизовъ, и уже начинаютъ нагонять. «Вотъ скоро будетъ опять схватка,» думаютъ казаки, но Киргизы вдругъ спустились въ лощину и скрылись изъ глазъ. Подскакали казаки къ лощинѣ, и—остановились невольно. Вся лощина была уставлена киргизскими кибитками! Болѣе 400 киргизскихъ наѣзниковъ готовились встрѣтить нежданныхъ гостей.

— «Плохо!» подумали казаки.

— «Слызай съ коней, ребята!» скомандовалъ Ефремовъ.

Всѣ казаки тотчасъ же спѣшились; нечего было и думать о возвращеніи назадъ: это значило бы—идти на вѣрную гибель. Лопади казаковъ были сильно истомлены, и Киргизы, преслѣдуя ихъ на своихъ сѣйшихъ лошадяхъ, могли бы всѣхъ, по одиночкѣ переколоть пиками. Потому-то казаки и рѣшились обороняться отъ Киргизовъ, укрываясь за лошадями.

Попались добрые молодцы въ засаду!

Разомъ ринулось все киргизское скопище на неосторожныхъ казаковъ, но казаки не сробѣли и встрѣтили враговъ дружнымъ залпомъ. Человѣкъ десять киргизскихъ наѣзниковъ свалилось съ лошадей, а остальные въ испугѣ отхлынули назадъ. Киргизы, какъ и всѣ азіаты, только съ первого раза, сгоряча, нападаютъ храбро и стрѣмительно; но если первая атака была неудачна, то они

не охотно рѣшаются атаковать во второй разъ. Такъ было и въ этотъ разъ, при нападеніи толпы Киргизовъ на горсть храбрыхъ казаковъ.

Немного погодя, Киргизы опять загикали и пытались было вторично, всей толпой атаковать казаковъ. Нѣсколько смѣльчаковъ выскакивали впередъ, кричали своимъ, чтобы они слѣдовали за ними, но толпа только шумѣла и весыма не дружно подвигались впередъ.

Казаки вздохнули свободнѣе и ободрились. Припадая на колѣно, они стали, не торопясь, отстрѣливаться, цѣлясь преимущественно въ тѣхъ Киргизовъ, которые были вожаками, предводителями толпы. Вскорѣ нѣсколько бѣсовъ было убито или ранено; въ числѣ ихъ палъ, смертельно раненый, самый старшій батырь, который не разъ храбро подсакивалъ къ казакамъ и стрѣлялъ въ ихъ кружокъ изъ своего ружья. Казаки нѣсколько разъ стрѣлили въ него, но не могли убить или ранить, хотя пули и попадали въ батыря. Сначала казаки не мало дивились этому, а потомъ догадались, что у Киргиза подъ халатомъ наѣтъ панцырь, либо кольчуга. Тогда одинъ изъ самыхъ ловкихъ стрѣлковъ, казакъ Трифоновъ, изловчился и пріцѣлился батырю въ голову. Какъ сношь свалился батырь съ своего коня, а Киргизы, напуганные мѣткими выстрѣлами казаковъ и смертью своего храбреца-батыря, прекратили нападенія и отступили шаговъ на сто отъ спѣшившихся казаковъ; они окружили ихъ со всѣхъ сторонъ словно стѣною, чтобы преградить путь къ отступленію, и стали издали беспокоить казаковъ стрѣльбою изъ ружей и луковъ. Правда, эти выстрѣлы приносили казакамъ мало вреда: стрѣлы киргизскія, за дальностью разстоянія, не всегда даже и долетали до казацкаго кружка, а если и долетали, то казаки успѣвали увертываться отъ нихъ; выстрѣлы же изъ фитильныхъ ружей, которыми были во-

оружены нѣкоторые Киргизы, были еще менѣе дѣйствительны. Киргизы берегутъ порохъ, да и пули ихъ ни что иное, какъ круглый камешекъ, облитый свинцемъ, или даже, просто, обернутый листочкомъ свинца. Разумѣется, такія пули не могутъ быть вѣрны при полетѣ; но все же выстрѣлы Киргизовъ приносили казакамъ не мало вреда, потому что казачьи лошади, въ которыхъ имѣтили Киргизы, бѣсились, рвались и могли наконецъ разбѣжаться въ степь, оставивъ казаковъ совершенно открытыми.

Что было дѣлать казакамъ? Прошло уже часовъ пять или шесть, какъ атакованные казаки начали отбивать нападенія Киргизовъ, а команды изъ сосѣднихъ форпостовъ все еще не являются на помощь. Вотъ уже вечеръ насталъ и солнышко скоро зайдетъ, а помощи все нѣтъ. Рѣшились наконецъ казаки мало по малу, толпой подвигаться къ Уралу, безпрестанно отстрѣливаясь отъ Киргизовъ, неотступно слѣдившихъ за ними, и ведя за собою лошадей, «скошеванныхъ», т. е. связанныхъ по шеямъ поводьями. Киргизы надѣялись, что казаки сядутъ на лошадей, и помчатся къ Уралу, но казаки, наученные опытомъ, не дались въ просакъ. Они отступали пѣшкомъ, по прежнему прикрываясь связанными лошадями.

Уже стемнѣло, скоро и ночь наступить, а въ степи все тихо по прежнему; не слышино даже и отдаленнаго топота казачьихъ коней.

Вдругъ вдалекѣ, со стороны Урала показался верховой казакъ. «Наши, наши!» закричали обрадованные казаки, и громко прокричали «ура», такъ что даже озадачили Киргизовъ, которые приостановились, думая, что казаки хотятъ броситься на нихъ въ атаку.

— «Постойте, братцы, радоваться,» грустно сказалъ Ефремовъ, взглядываясь въ казака. «Вѣдь это Нефедь Жадинъ!»

Дѣйствительно, это былъ тотъ самый казакъ, котораго Ефремовъ не взялъ съ собою въ погоню за Киргизами, забраковавъ его тяжелую и неповоротливую лошадь. Стыдно было Нефеду вернуться на форпостъ,—его засмѣяли бы товарищи, проходу ему не давали бы, и онъ рѣшился одинъ слѣдоватъ хотѣ издали за своими товарищами, чтобы по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ ними вернуться изъ степи на форпостъ. «Тогда, по крайней мѣрѣ, все же не такъ стыдно будетъ,» думалъ Нефедъ.

— «Ну, погибъ бѣдняжка Нефедъ,» сказали казаки, и дѣйствительно: человѣкъ пятнадцать Киргизовъ отдѣлились отъ толпы и бросились на оплошнаго казака. Нефедъ послѣшно спрыгнулъ съ коня, приспалъ на одно колѣно, выстрѣлилъ и ранилъ Киргиза; но остальные мгновенно окружили его и захватили въ пленъ. Казаки не могли выручить изъ бѣды своего несчастнаго товарища; для этого имъ самимъ должно было сѣсть на лошадей и скакать на помощь, но тогда-бы Киргизы толпой накинулись на казаковъ и перекололи ихъ пиками.

Киргизы связали руки Нефеду, посадили его на его же лошадь и повлекли къ своему сборищу. Бѣдный Нефедъ видѣлъ своихъ товарищей, прощался съ ними, кричалъ имъ что-то, но отъ шума и крика казаки не могли разслышать его словъ.

— «Прощай, прощай, товарищъ!» кричали казаки Нефеду.

Прошло еще съ полчаса въ томительномъ ожиданіи; вдругъ вся толпа Киргизовъ начала послѣшно садиться на коней, раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ и удалилась въ степь по разнымъ направленіямъ. Обрадовались казаки, да не мало и подивились этому. Они не могли понять: чего испугались Киргизы, что такъ бросились на утекъ. Только впослѣдствії, по показаніямъ мирныхъ

Киргизовъ изъ ближнихъ ауловъ, оказалось, что Нефедъ Жадинъ, допрошенный Киргизами, назвался передовымъ, посланнымъ отъ командъ другихъ казачьихъ станицъ. Онъ увѣрилъ Киргизовъ, что эти команды должны черезъ часъ, а мнѣго что черезъ два часа, прискакать съ Урала на выручку своихъ товарищѣй. Тогда-то Киргизы, которые не могли справиться и съ одной командой, тотчасъ же послѣшно удалились какъ можно далѣе въ степь къ своимъ ауламъ.

А отчего же не прибыли на помощь казакамъ вспомогательные команды: Харканская и Калмыковская? Да они понадѣялись, что Красноярцы и сами сѣмѣютъ развѣдаться съ Киргизами. Правда, они выступили изъ форпоста въ степь, на помощь, да только на другой день, рано поутру, когда Красноярцы возвращались уже въ свой

H. Жел—665.

ПОКОРНАЯ ДОЧЬ.

(Словакская сказка.)

Въ Венгрии, у высокихъ Карпатскихъ горъ, обитаетъ немногочисленный славянскій народъ Словаки, ближайшіе родичи Чехамъ, населяющіе Богемію, область Австрійской имперіи.

Въ настоящее время всѣхъ Словаковъ считается не болѣе 3 миллионовъ. Но было время (слишкомъ 900 лѣтъ тому назадъ), когда и Словаки составляли обширное и

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ХУДОЖНИКЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ИАТРАТИКЪ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-Я.

ДЕКАБРЬ, 1874.

133—4

Санкт-Петербургъ

КИРГИЗСКІЯ ПѢСНИ

I *).

Путь жизни извилисть, путь жизни невѣренъ:
Измѣнить лишь счастье—конца нѣть бѣдамъ!
Въ стремлениі къ небу будь, смертный, умѣренъ:
Съ земли не подняться тебѣ въ небесамъ!

Кто счастливъ, тотъ счастью и смѣны не чаетъ;
Такъ конь плоховатый игришъ, пока сыть,
Но глупое счастье лишь тылъ обращаетъ,
И горе за горемъ счастливцу грозить.

Настанетъ пора всѣмъ невзгодамъ, томленьямъ;
И смертный чего не извѣдалъ, глядишь!
Но, духъ мой, надѣйся на Бога, терпѣньемъ
Скорѣй, чѣмъ уныніемъ, жизнь облегчиши!

II.

Едва показавшиесь, ты скрылся изъ глазъ,
И я лишь тогда оцѣнила,
Насколько тебя, другъ, любила!
Тоскуя въ разлукѣ, постигнувшей нась,
Слагаю я пѣсенки вновь
Про старую нашу любовь!

*) Съ подстрочного перевода, сдѣланного султаномъ Сейдалиннымъ II-мъ.

День ясный еще догорѣть не успѣлъ,
 Какъ я, другъ, съ тобою разсталась;
 А сердце уже стосковалось,
 И взоръ мой влюбленный во слѣдъ все глядѣлъ,
 Знать свыклась душой я съ тобой,
 Что слезы катятся рѣкой!

И все передъ взоромъ твой образъ стойть,
 И слышится говоръ любовный,
 Гляжу вдоль дороги я ревной—
 Устану глядѣть—и слезами облизъ
 Платокъ—твой подарокъ! Его
 Цѣлую съ тоски одного!

Мой милый, какъ вотъ какъ теперь я томлюсь!
 На свѣтѣ едва ли другою
 Любимымъ ты будешь, какъ иною!
 Безумно, какъ бабочка, къ свѣту стремлюсь,
 Чтобы, какъ она, можетъ быть,
 Себя на огнѣ погубить.

П. Р.

Оренбургъ.

